

ОБСУЖДАЕМ ОБЩЕСТВО

УДК 101.1:316.242

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА РУССКИМ ЛИБЕРАЛИЗМОМ: П.И. НОВГОРОДЦЕВ

Т.И. Зайцева

Новосибирский государственный
технический университет

tatyanazaiceva@mail.ru

В статье анализируется концепция социального идеала в интерпретации П.И. Новгородцева, одного из теоретиков русского либерализма. При этом автор статьи рассматривает данную концепцию как способ реконструкции общефилософского мировоззрения Новгородцева*. Вопреки традиционному взгляду, сводящему идеи философа к теории западного нового либерализма, доказывается их принципиальное отличие от этой теории.

Ключевые слова: русский либерализм, новый либерализм, личность, правовое государство, кризис правосознания, утопия земного рая, общественный идеал, естественное право.

Яркого представителя отечественного либерализма П.И. Новгородцева традиционно в литературе называют теоретиком нового или социального либерализма по аналогии с западным либерализмом¹. И действительно, Новгородцев вслед за В. Соловьевым признает право на «достойное человеческое существование» одним из важнейших. Из чего на рубеже XIX–XX веков стал исходить и западный либерализм, включив в свой арсенал идею солидарности, социальной справедливости и государственной поддержки малоимущих, тем самым отказав-

шись от концепции «l'azzer-fair», проповедуемой классическим либерализмом.

Но содержание русской либеральной мысли этим не исчерпывается, будучи гораздо более оригинальным явлением, чем это обычно принято считать². Ее центральной темой по-прежнему остается проблема личности, получившая своеобразное прочтение в работах Новгородцева. В данном случае речь идет прежде всего о таких его фундаментальных трудах, как «Кризис современного правосознания» и «Об общественном идеале», являющихся продолжением и завершением предыдущей работы, где им исследуется природа идеи земного рая.

¹ См., например: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 132–140; Васильев Б.В. Проблема общественного идеала в философии права русского неоллиберализма // Философские науки. – 2004. – № 8. – С. 46–57.

² Подробнее см.: Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // Полис. – 2006. – № 1. – С. 175–182.

* Следует заметить, что идею использования концепции социального идеала как метода реконструкции общефилософского мировоззрения автор почерпнула из: Ивонин Ю.П. Социальный идеал как предмет философского исследования // Идеи и идеалы. – 2009. – № 1(1). – С. 68.

В конце XVIII века в качестве такой идеи выступало правовое государство, рассматривающееся как венец и конечная цель всемирной истории. Этот апофеоз права, с точки зрения Новгородцева, получает самое законченное выражение в философии Гегеля, называющего государство «земным богом», носителем мирового духа, основанием и завершением нравственной жизни: «...причем высшим выражением государственной идеи признается правовое государство нового времени»³. Подобный подход отражал «политический оптимизм революционной эпохи», духом которой была вера в спасительную силу государства и законов, с помощью которых можно исправить нравы, водворить в обществе единство и гармонию. Ведь человек по своей природе хорош, дурным его делают учреждения, следовательно, нужно их преобразовать, и тогда наступит царство свободы, равенства и братства.

В свою очередь, в основе такого взгляда лежит рациональное определение личности, характерное, по мысли Новгородцева, для немецкой философии, согласно которой личность рассматривалась исключительно как родовое существо, т. е. принималось во внимание только то общее, что присуще всем и каждому, а все особенное и своеобразное, что и составляет суть личности, отменялось⁴. Подобный взгляд на человека как единицу в ряду таких же единиц, взгляд на общество как на пустую сумму единичных волей порождал предположение о возможности согласования части и целого, установления гармонии между личностью и обществом, личностью и государ-

ством. Именно односторонняя трактовка личности как родового существа, по мнению Новгородцева, и явилась той теоретической основой, на которой выросла вера в безусловную силу учреждений.

Но суровый опыт XIX века, подвергнув серьезному испытанию принципы и идеальные начала правового государства, доказал их практическую неосуществимость в чистом и безусловном выражении. Это приводит к некоторому разочарованию, и взгляды на политические идеалы недавнего прошлого начинают меняться: правовое государство перестает быть предметом обожествления и поклонения. При этом если для одних право, утратив статус всеисцеляющего средства в решении общественных проблем, не теряет при этом своего значения, для других – является поводом к отрицанию права вообще.

Сомнения в отношении к правовой идее Новгородцев называет «характерным признаком времени», усматривая в этом кризис правосознания. К величайшему сожалению, данная проблема и спустя сто лет по-прежнему остается актуальной для современной России, ибо негативное отношение к праву, тоска «по сильной руке» весьма распространены в родном Отечестве, несмотря на трагический опыт уже XX столетия. И поэтому есть настоятельная необходимость более внимательно присмотреться к аргументации мыслителя.

Для Новгородцева ярким проявлением кризиса правосознания был марксизм, который, отрицая в качестве политического идеала правовое государство, провозглашает коммунизм конечным пунктом назначения человечества, тем самым заменив одну утопию земного рая другой. Веру в скорое осуществление Царства Божия на земле мыслитель назвал утопическим рациона-

³ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – С. 20.

⁴ Там же, с. 221–230.

лизмом. То обстоятельство, что именно в XIX веке идея земного рая получила наибольшее развитие, не было случайным, так как в это время громадную роль начинает играть идеология сциентизма – стремление построить жизнь на научных основаниях. Подобный взгляд подкреплялся блестящими успехами человеческого гения в области научной и практической, что еще более усиливало веру во всемогущество человеческого разума.

Будучи наиболее влиятельной утопией земного рая в XIX веке, марксизм, по мнению мыслителя, своим успехом был во многом обязан обаянию научного построения. В системе марксизма торжество социализма наступает в силу закономерного объективного социального процесса как результат экономической необходимости, так как в основе всех исторических явлений лежат производственные отношения: они являются последовательной причиной всех общественных изменений и политических переворотов. Подчеркнутое стремление видеть в истории «внутренние имманентные законы», действующие с железной неотвратимостью, – замечает он, – приводят Маркса к воззрению, что психические свойства людей, их воля, характер не оказывают влияния на слагающиеся отношения. Царство правды и добра наступит по непреложному закону, подобно неотвратимым законам природы⁵.

Предполагалось, что в будущем царстве коммунизма осуществится всецелая гармония, между личностью и обществом установится полное совпадение и единство. Но как подчеркивает Новгородцев: «... одно из двух: или гармония или свобода..., так как в своем осуществлении гармония эта неиз-

бежно превратится в принудительную поддержку личного развития, в вынужденный режим внешнего согласия»⁶.

Мыслитель напоминает, что в истории философской мысли создавались подобные теоретические построения, в частности концепции Платона и Фихте. Так, Платон, установив в своем идеальном государстве подробнейшие законы для своих граждан, регламентирующие каждый шаг их жизни, понимает недостаточность подобных мер, поэтому он предлагает организовать систему постоянных увещаний и убеждений общества в правильности основ государственного строя, который он хочет осуществить. Жизнь в этом государстве Новгородцев сравнивает со спящим царством.

Фихте же для устранения опасности нарушения всеобщего равновесия предлагает ввести систему тотального полицейского надзора. «Выводы Платона и Фихте лучше всяких практических опытов убеждают нас, – говорит Новгородцев, – что есть только два средства сохранить первоначальную гармонию общественного устройства: или гипнотический сон мысли и чувства или неуспешный полицейский надзор над свободной жизнью»⁷. Со своей стороны хочется добавить, что страшный опыт тоталитаризма, который пережил мир в XX веке, должен окончательно убедить человечество в бесплодности и разрушительности таких попыток.

Новгородцев усматривает прообразы социалистических и анархических теорий в политических теориях XVIII века, которые, в свою очередь, исходили из возможности гармонии личной свободы и государственной власти, полагая, что все дело в плохих учреждениях: стоит их исправить,

⁵ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – С. 229–238.

⁶ Там же, с. 125–126.

⁷ Там же, с. 128.

усовершенствовать, и тогда все переменится к лучшему. Маркс, так же как Гегель, несмотря на свой материализм, рассматривает личность не саму по себе, а в ее родовой сущности, и в соответствии с этим приходит к идее подчинения личности обществу. Дело в том, что для Новгородцева очевидна связь философии Гегеля с некоторыми из основных положений французской политической мысли. Более того, он полагал, что «... в известном смысле “Философия права” Гегеля есть перевод “Общественного договора” на язык немецкого абсолютного идеализма»⁸.

Удивительно на первый взгляд, но факт, что в конце XX века горбачевская перестройка и последующий за ней демонтаж коммунистической системы в Восточной Европе породили иллюзию о «конце истории» и окончательном торжестве теперь уже либеральной демократии. В данном случае Ф. Фукуяма действовал в той же логике, что и К. Маркс, только заменив конечный путь человечества с коммунизма на либерализм, что является свидетельством живучести утопий земного рая.

В основе утопий земного рая, по мысли Новгородцева, лежит отождествление относительного с абсолютным, что находит свое выражение в желании наполнить идеал каким-то конкретным содержанием, попытаться найти историческую форму, адекватную этому абсолютному пределу. Но такая попытка означает абсолютизацию относительного, прямым результатом которой является превознесение какой-либо одной формы общественного или государственного устройства над всеми другими, в результате чего она объявляется единспа-

⁸ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – С. 232.

сающим идеалом⁹. Подобная претензия на обладание абсолютной истиной порождает обычно дух непогрешимости и нетерпимости, отрицание всего, что не согласуется с собственными убеждениями.

Новгородцев же подчеркивает, что разные формы правления, политические режимы, политическая система в целом есть только средства и не могут выступать в роли цели. Относясь к сфере относительного, они имеют преходящий характер и, следовательно, меняются с требованиями времени. В качестве средства они могут быть как эффективными, так и неэффективными, вести к цели быстрее или медленнее. Поэтому людям должна быть предоставлена свобода выбора этих относительных средств для решения своих задач.

Здесь следует напомнить, что была и иная интерпретация марксизма, воплощенная в знаменитой формуле Бернштейна: «цель – ничто, движение – все». Согласно данному подходу, социализм перестал рассматриваться в качестве конечной цели движения, что привело на практике к пересмотру ряда положений марксизма и рождению социал-демократии, давшей миру весьма позитивные плоды.

Абсолютный же идеал и относится к сфере абсолютного, поэтому он находится не в конце истории, являясь последней и высшей ступенькой длинного исторического ряда, а над этим рядом. Иначе говоря, абсолютный идеал – это не то, что когда-то будет, некое грядущее блаженство и предельное совершенство, а то, что всегда было, есть и будет: «вечный идеал добра, обязательный для каждого поколения, для каждого исторического периода, для каждого лица как в конце истории, так и

⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – С. 117–120.

в ее начале»¹⁰. Все прошлое, как и настоящее и будущее, одинаково питается из этого вечного источника и поэтому одинаково ценно. Перенос же общественного идеала в отдаленное будущее превращает в заложников предыдущие поколения, которые, по словам Франка, выступают «в роли навоза»¹¹, т. е. их жизнь полностью обесмысливается.

Поэтому для Новгородцева абсолютный идеал предстает как некая «путеводная звезда», освещающая и указывающая путь, которую нельзя свести на землю. И в этом смысле «абсолютный идеал всегда останется вечным требованием и призывом», который никогда полностью не может быть реализован, осуществляясь лишь отчасти, лишь относительно¹². Итак, абсолютный идеал в рамках исторического времени, эмпирической действительности не может быть воплощен, а следовательно, не могут быть окончательно разрешены и социальные противоречия. Антагонизм между частным и общим, личностью и государством, личностью и обществом вечен: возможно только временное и частичное их примирение.

А поэтому ожидание будущей гармонии не только иллюзорно, но и вредно, так как невольно толкает на подстегивание событий, рождая стремление как можно быстрее приблизиться к этой вожаденной цели, чтобы успеть насладиться плодами земного рая. Осознание невозможности сблизить землю и небо способствует проведению осторожной и взвешенной политики, но в то же самое время рассмотрение абсолютного идеала в качестве путеводной звезды

¹⁰ Там же, с. 67.

¹¹ Франк С.А. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 159.

¹² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – С. 66–67.

дает возможность более верного и точного выбора пути, позволяющего не сбиться с дороги. Стремление же к абсолютному идеалу и его частичное воплощение порождает желание к дальнейшему движению: «Так создается ряд усилий и действий, уходящих в бесконечность», каждое из которых является только относительным приближением к идеалу¹³.

Таким образом, исходным началом абсолютного идеала Новгородцев предлагает признать свободу бесконечного развития, вечного совершенствования, а не мечту о незыблемом совершенстве. Но именно в глубинах человеческого сознания этот процесс развития и совершенствования приобретает масштаб бесконечности в силу беспредельности самой личности, а потому только личность может быть поставлена во главу угла общественного развития и, соответственно, стать краеугольным камнем при построении общественного идеала. Для Новгородцева личность имеет абсолютное и безусловное значение, вытекающее из ее незаменимости и оригинальности, так как она не представляет собой лишь отвлеченной родовой сущности, будучи носительницей двух начал: общего и особенного.

Но признание за личностью абсолютной ценности вовсе не означает утраты для нее важности других лиц и общества, так как в представлении мыслителя личность не есть отвлеченное и замкнутое в себе начало, не признающее над собой никаких связей и норм. В свою очередь, признание необходимости социальных связей не влечет утраты личностью своего безусловного нравственного значения и придания первенства обществу, как это делает марксизм, трактуя личность в качестве совокупности общественных отношений. Подобный

¹³ Там же, с. 68.

подхода приводит к растворению личности в обществе, превращению ее в простое орудие или средство. Новгородцев же подчеркивает, что общество не может претендовать на статус самостоятельной нравственной субстанции, что оно не имеет иного значения, кроме того, что оно получает от принципа личности, будучи только союзом лиц. Трудность вопроса взаимоотношений личности и общества он разрешает осознанием того, что «...личность и общество растут из одного корня и стремятся к одному свету», и понять правильно эти два начала можно «лишь в связи их между собой и с объективным законом Добра»¹⁴.

Кроме того, из взгляда на человеческую личность как абсолютную ценность с неизбежностью вытекает требование свободы, без которой немыслима личность. С другой стороны, так как в каждом человеке признается эта высшая нравственная сущность, необходимо распространить на всех людей принцип равенства. С точки зрения целостного понимания личности, подчеркивает мыслитель, оба эти момента одинаково важны. Без свободы оригинальное развитие невозможно. Но и равенство потому особенно важно, что каждый человек представляет собою индивидуальность, не сходную с другими. «Безграничное развитие свободы привело бы к всеобщему неравенству; безусловное осуществление равенства имело бы своим последствием полное подавление свободы. Оба эти понятия должны быть, очевидно, сведены к высшей норме, в которой они должны найти свое примирение»¹⁵, — заключает он.

¹⁴ Там же, с. 166.

¹⁵ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — СПб.: Лань, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. — С. 267–268.

Но вернемся к проблеме правосознания: для самого Новгородцева, горячего сторонника правового государства, было совершенно очевидно, что данный кризис не колеблет идеи права как таковой, а только расширяет ее содержание и ставит ей новые задачи. Более того, в процессе трансформации западного старого либерализма, или классического, в новый либерализм, разворачивающийся на его глазах, он усматривает движение в данном направлении. Ярким проявлением этой перемены в программе либерализма является переход от отрицательного к положительному пониманию свободы, в котором заключается целый переворот понятий. «Свобода равная для всех — вот требование нового либерализма, который стремится подчеркнуть в этом требовании не формальное признание свободы, а ее действительное осуществление»¹⁶. Равенство и свобода, лежащие в основе прежнего правового государства, дополняются теперь новым принципом солидарности, который должен служить указанием новых и более тесных связей общественной жизни. Для мыслителя это знаменует собой новую стадию в развитии правового государства: от государственного невмешательства к программе социальных реформ.

Подобной эволюции взглядов, расширяющих и углубляющих представление о свободе и равенстве, предшествовала новая тенденция, формирующаяся на протяжении XIX века и нашедшая свое отражение в работах Д. Милля, Токвиля, В. Гумбольта, сутью которой является более сложный взгляд на человеческую личность как существо самобытное и оригинальное. Они озабочены осознанием великого значения индивидуальности, которое необходимо от-

¹⁶ Там же, с. 299.

стаивать. Новое понимание личности отразилось на всем их представлении о ходе истории, задачах государства и средствах к их осуществлению. Данные авторы переносят анализ с учреждений на человека в связи с утратой веры в их естественную гармонию, делая акцент на проблеме личной свободы, а не политической, как это было в теориях XVIII века.

Обращаясь к программе нового либерализма, Новгородцев также замечает, что старую дилемму: что важнее – учреждения или люди, в отличие от рецептов XVIII века, он решает в пользу людей, уделяя главное внимание нравственному совершенствованию человека путем общественного воспитания. Новый либерализм исходит из того, что правовые преобразования сами по себе не способны осуществить действительное преобразование общества, что практическое осуществление принципов правового государства затруднено, сложно и требует серьезных усилий со стороны самого человека.

Если старый либерализм, отстаивая свое кредо, подозрительно относился к государству, видя в нем источник тирании, покушающийся на человеческую свободу, то новый либерализм требует государственного содействия не только в плане социальных преобразований, но и в деле воспитания. Речь идет о системе единого светского образования, призванного привить обществу единые стандарты демократической культуры, утвердить среди людей чувство общей связи и взаимной зависимости, так как любое общество нуждается в единстве.

С точки зрения Новгородцева, данный пункт об общественном воспитании является самым уязвимым местом в программе нового либерализма, ибо, с одной стороны, возможности воспитательного воздействия

ограничены, с другой стороны – стремление уравнивать всех в условиях их духовного развития приводит «к отрицанию свободы во имя равенства и единства»¹⁷ и ставит под вопрос самобытность личности, ее право на оригинальное развитие, что, собственно, и составляет ее суть. Идею единой и равной для всех культуры мыслитель называет «клерикализмом навыворот», напоминающей ему мысли Руссо об общей для всех гражданской религии, являясь своеобразным воспроизведением средневекового теократического идеала в новом образе светского государства. Стремление к всеобщему моральному единству есть не что иное как химера, в которой, в конце концов, личность приносится в жертву отвлеченному идеалу. Таким образом, новый либерализм, изжив в чем-то грехи старого либерализма, несет в себе новые опасности. Ведь проблема индивидуальности для мыслителя коренится не в культуре или общественных проявлениях личности, а «в глубине ее собственно-го сознания, в ее моральных и религиозных потребностях», отвергаемых по сути новым либерализмом. Личность в представлении Новгородцева не только и не столько социализированный индивид, каким видит ее новый либерализм, а существо метафизического порядка.

Полагая принцип личности исходным началом общественного идеала, он подчеркивает, что опасно не только смешение абсолютного и относительного, но и их полное разделение. Отрыв относительного от абсолютного, объективного начала есть отрыв от своих жизненных корней, поэтому попытка построить нечто новое в этой ситуации есть строительство «ни на чем». Вера в то, что, по словам Новгородцева, «можно устроиться без Бога» или «от-

¹⁷ Там же, с. 307.

щепенство человеческого разума от разума Божественного» есть не что иное как «гордое самообольщение ума человеческого», в результате чего, увлекшись полетом своей мысли, человек приобретает уверенность, что силой человеческого разума можно преодолеть все противоречия истории, перестроив жизнь на справедливых и разумных началах и привести ее, таким образом, к полному совершенству, что на практике оборачивается самыми губительными последствиями¹⁸.

С точки зрения Новгородцева, возрождение личности возможно с возрождением естественного права. Здесь следует заметить, что изначально он задумывал труд «Введение в философию права» как трилогию, где первая часть так и называлась «Возрождение естественного права», но так и не была написана, хотя отдельные ее разделы публиковались в виде статей: «Нравственный идеализм в философии права», «Государство и право» и другие. А книги «Кризис современного правосознания» и «Об общественном идеале» должны были стать второй и третьей ее частями соответственно.

Мыслитель полагал, что эта теория несправедливо забыта, что естественное право представляет собой неискоренимую потребность человеческого мышления и исконную принадлежность философии права. Согласно этой теории, право разграничивалось на естественное (совокупность нравственных представлений о праве) и положительное право (система административных и правительственных распоряжений). При этом естественное право выступало в качестве идеала или нравственного

¹⁸ Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сб. статей о русской революции. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 208.

критерия для положительного права. Юридическая наука того времени сводила право исключительно к положительному. А это означает, что государство не признает над собой никаких иных норм, что оно само является творцом права. Следовательно, государство само ограничивает себя, что открывает дорогу произволу, по сути превращая право в послушный инструмент для обслуживания нужд власти.

Если следовать логике Новгородцева, то получается, что оставаясь на почве формально-юридической, трудно говорить вообще о правовом государстве, так как связать государство правом можно только тогда, когда оно «стоит над государством», а не исходит от самой государственной власти. А это и есть естественное право в виде идеальных, нравственных постулатов и требований, которые и устанавливают четкие границы государственной власти, обязывая ее руководствоваться в своей деятельности нравственными принципами. Таким образом, при естественно-правовой конструкции государства не право ставится в зависимость от государства, а государство ставится в зависимость от идеальных представлений о праве. Государство только дает форму праву, содержание же «определяется жизнью и высшую санкцию свою находит в нравственном сознании»¹⁹.

Новгородцев, в отличие от Чичерина, который проводил абсолютную границу между правом и нравственностью и чью позицию он первоначально разделял, совершенно определенно указывает, что в основе правопорядка должны лежать нравственные начала. Он высказывает гипотетическое предположение, увы, актуальное

¹⁹ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. – М., 1904. – Кн. 75. – С. 511.

для сегодняшней России, о том, что, выражаясь современным языком, можно оставаться в правовом поле, никоим образом не выходя за его пределы, и тем не менее «привести страну на край гибели», так как «право есть не более как скелет», который определяет «форму государства», общие черты его деятельности, но не может определять «самого существенного – содержания этой деятельности»²⁰. К тому же просто невозможно на каждый шаг правительства предусмотреть правовую норму, следовательно, неизбежно возникает необходимость в спонтанных действиях. «И здесь, – замечает Новгородцев, – явно обнаруживается, что все право теряет под собой почву, если оно не может опереться на прочную основу этических убеждений носителей власти»²¹.

Речь идет вовсе не о замене права моралью, не в признании его «второсортности», на чем по сути настаивал Л.Н. Толстой, с которым Новгородцев также полемизировал, а в недопустимости их полного разделения, что на практике приводит к циничному релятивизму. Новгородцев развивает мысль славянофилов о том, что только религиозно-нравственное обоснование права и придает ему силу и действительность. Правовая норма просто не будет «работать», если нет внутреннего убеждения в ее «правильности», справедливости, т. е. определенного соответствия ее идее должного, что, собственно, и побуждает человека к повиновению. Когда же это убеждение утрачивается, правовая норма, закон теряют свою силу, а власть – легитимность. И такая власть, не имеющая внутренней опоры, рухнет сама собой, попытки ее удержать

с помощью внешнего принуждения могут иметь только временный эффект.

Но мысль о невозможности проведения абсолютной границы между правом и нравственностью не есть их отождествление, а утверждение их общей идеальной природы, что не отменяет раздельности их сфер применения. Итак, возрождение естественного права, по мысли Новгородцева, приведет к возрождению личности, поскольку восполнение личности, восстановление ее в своих правах, а именно трактовка ее как существа уникального и неповторимого, возможно только «на основе идеальных построений». Идею личности можно понять только в связи с ее высшим, абсолютным началом. Поэтому именно с личностью как духовной инстанцией, сопричастной Абсолюту, может быть связан общественный идеал, а не с идеей правового государства, принадлежащего сфере относительного и преходящего.

Таким образом, мы видим, что мыслитель существенно «поправил» новый либерализм, восстанавливая личность в своих правах путем признания «сакральной вертикали»: ее связи с высшим началом – Богом, утраченной западным секуляризованным либерализмом, ибо подлинное единство лежит за пределами социального горизонта.

Литература

Васильев Б.В. Проблема общественного идеала в философии права русского неолиберализма // *Философские науки*. – 2004. – № 8. – С. 46–57.

Ивонин Ю.П. Социальный идеал как предмет философского исследования // *Идеи и идеалы*. – 2009. – № 1(1). – С. 57–68.

Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // *Полис*. – 2006. – № 1. – С. 175–182.

Новгородцев П.И. Государство и право / П.И. Новгородцев // *Вопросы философии*

²⁰ Новгородцев П.И. Государство и право // *Вопросы философии и психологии*. – М., 1904. – Кн. 74. – С. 444.

²¹ Там же, с. 445.

и психологии. – 1904. – Кн. 74. – С. 397–450; Кн. 75. – С. 507–538.

Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 204–220.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 638 с.

Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – Се-

рия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 352 с.

Новикова А.И., Сиземская П.Н. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 132–140.

Франк С.А. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.